Татьяна Царегородцева

Родилась в 1966 году. Живёт в Таре.

Кандидат филологических наук, автор монографий и статей по русской литературе.

Автор рецензий рубрики «Книжный разбор» литературно-краеведческого альманаха «ТарЯне».

Герой своего времени

(К 100-летию со дня рождения Якова Горчакова)

Времена не выбирают,
В них живут и умирают.
А. С. Кушнер

Судьба Якова Горчакова мало чем отличается от судьбы многих советских людей, родившихся после революции, прошедших через войну, свято веривших в идеалы коммунизма и строивших «прекрасное далёко» для своих потомков. Но к немногим из них судьба была благосклонной, наградив творческим даром, и одновременно требовательной, призывая отдать этот дар на службу обществу: рассказать, донести, достучаться до людей, чтобы не повторилось…

По биографии Якова Горчакова можно проследить историю целого поколения: родился в деревне (д. Кошкуль Тюкалинского района Омской области 11.12.1920), после окончания школы работал литературным редактором и диктором Тарского радиовещания и одновременно учился в Тарском педагогическом училище, в 1940 году был призван в Красную армию, зачислен в Новосибирское пехотное училище, в 1941-м – отправлен на фронт, далее – «на войне как на войне»: командовал взводом, потом ротой, выходил из окружения, в боях терял фронтовых товарищей, был ранен, и не один раз… Те, кто прошёл через этот кошмар, не хотели, чтобы он повторился:

Пусть это никогда не повторится:
Твой дом в огне. Страх ужаса в глазах.
И кровь, и слёзы. И земля дымится,
И заживо в печах сожжённых прах,
И заживо в яру зарытых крик…

– под этим завещанием лирического героя стихотворения Якова Горчакова «Нет войне!» мог бы подписаться любой из тех, кто вернулся с той войны живым.

Выбор военной профессии сам Яков Горчаков в очерке «Курсанты-лейтенанты» искренне объясняет не благородным порывом защищать Родину, а мальчишеским желанием покрасоваться в военной форме: «В начале, а точнее в феврале предвоенного сорокового года, нас, группу курсантов третьего выпускного курса Тарского педагогического училища, пригласили в райвоенкомат и спросили:

– Кто желает пойти добровольцем служить в Красную армию?

Какой мог быть разговор?! Ведь это – давнишняя мечта каждого. Тогда мы с нескрываемой завистью смотрели на военных, а особенно на командиров, восхищались их стройной выправкой, яркими петлицами и эмблемами, золотистыми нашивками на рукавах гимнастёрок. Страстно хотелось походить на них» (газета «Ленинский путь», 12 февраля 1985 г.).

Вряд ли кто-то из тех курсантов тогда представлял, через что им предстоит пройти в скором времени.

Яков Горчаков жил с воспоминаниями о войне всю жизнь. А в восьмидесятых годах прошлого века они были опубликованы на страницах нескольких номеров районной газеты «Ленинский путь». Время наступило такое, что можно было рассказать об изнаночной стороне войны, о том, что наболело за эти долгие годы. В цикле очерков-воспоминаний под названием «Огневые сороковые» наряду со привычными для советского читателя клишированными журналистскими фразами о героизме наших

бойцов встречаются очень личные фрагменты человека, прошедшего через войну.

В очерке «До переправы не дошёл» Горчаков рассказывает о своих первых военных днях, когда он – молодой лейтенант – принял командование взводом: «Во взводах насчитывалось до 12–15 бойцов. Вооружение – винтовка со штыком, ручные гранаты, ручной пулемёт "Максим". Это всё, что можно было противопоставить танкам и мотопехоте противника. Правда, все бойцы кадровой службы, уже обстрелянные, но заметно уставшие от длительных ночных маршей и рытья траншей на всё новых и новых рубежах. На исходе были боеприпасы, полковая кухня не всегда подвозила горячую пищу. Получали сухим пайком» (газета «Ленинский путь», 16 февраля 1988 г.).

В очерке «Как это было», включая в текст воспоминания мирную картину, Горчаков как бы подчёркивает бессмысленность и уродливость войны: «Сентябрь стоял сухим и тёплым. В полях созревали тучные хлеба. Зеленели густые высокие травы. Шумели леса. А в высоком голубом небе пели жаворонки. Никакой войны как бы и не было…» А далее резким контрастом к пейзажной зарисовке – повествование о том, как полк выходил из окружения: «Шли мы медленно и только ночью. Днём отсиживались в лесу. Населённые пункты обходили. Иногда высылали в деревню двух-трёх разведчиков, чтобы раздобыть хлеба и соли. Когда убили и съели лошадей, перешли на картошку, посадки которой встречались на пути. Накопаем, бывало, утром и парим в касках или печём в золе. Поешь без соли – желудок вроде бы полон, а всё равно голоден. Курящие страдали без махорки. Крутили самокрутки с мохом, листьями, травой… Обносившиеся, обросшие, измождённые, красноармейцы теряли силы, но никто не роптал, не отчаивался, жила уверенность, что дойдём, будем жить, ещё повоюем» (газета «Ленинский путь», 17 февраля 1988 г.).

В очерках-воспоминаниях «Глубокой осенью» и «Через линию фронта» Горчаков рассказывает о людях, которые, рискуя своей жизнью и жизнью близких, помогали окруженцам, отдавали им последнее: «кормили нас всем, чем были богаты». Но были и такие, которые обирали мирных жителей. Так, автор вспоминает о своей встрече с бандой, состоящей из дезертиров, которые грабили население: «Они якобы для нужд Красной армии заготовляли продовольствие, одежду, обувь, брали браслеты. А по ночам пьянствовали, развратничали» (газета «Ленинский путь», 20 февраля 1988 г.). В стилистике русского фольклора описывает Горчаков встречу с этими оборотнями и сцену расправы с ними партизан. Эпизоды военной действительности приобретают эпический размах и наполняются надвременным содержанием: война – это борьба добра со злом, которое неминуемо будет побеждено.

Очерк «Земляки» замыкает цикл «Огневые сороковые». С болью бывший ротный командир вспоминает бой за высоту, в котором погибли бойцы. В этом бою он получил серьёзное ранение, но страшнее была потеря его земляков, 18-летних юношей, вчерашних школьников родом из Омской области: «На операционном столе хирург, обрабатывая рану, сказал:

– Вы исключительно счастливый молодой человек. Осколок от гранаты, пробив переносицу, пролетел у самых глаз. Ещё сотая доля миллиметра, и вы лишились бы обоих глаз…

А я лежал и плакал. Не от боли. Невыносимо жалко было погибших ребят-омичей, своих товарищей, с которыми за два месяца успел сродниться и полюбить крепкой фронтовой мужской любовью. Простите меня, ребята, не уберёг я вас» (газета «Ленинский путь», 7 мая 1988 г.).

Позднее, публикуя ещё раз очерк «Земляки» в газете «Ленинский путь» в 1992 году, Яков Горчаков почему-то не включит в него последний абзац из приведённого отрывка,

наверное, сожалея о том, что предельно обнажил свои чувства перед читателем.

Тема войны нашла своё отражение и в поэзии Якова Горчакова. Гибель земляков, которую так и не смог забыть их командир, «кровоточит» в стихотворении «Бой за высоту». Щемящие строки Горчакова посвящены матерям, провожающим своих сыновей на фронт, ждущим от них писем, но получающим похоронки, женщинам, рано становившимся вдовами:

И не гремел тут бой жестокий,
И братских не было могил.
А тишину родной сторонки
Лишь оглушал небесный гром
Да сердца крик от похоронки,
Что приходила в каждый дом.
И горше не было печали –
Войны удар суров и прям.
И почтальоны их вручали
Осиротевшим матерям.

(«В тылу»)

Образ осиротевших матерей как нельзя более точно передаёт противоестественность происходящего.

В стихотворении «Сорок первый» звучит мотив вины воинов, не сумевших защитить жён и матерей:

Горевали вдовы и старухи:
«Милые, умаялись бойцы».
На ходу передавали в руки
По колонне хлеб да огурцы.
И, смахнув ладонью капли пота,
В той заботе чувствуя укор,
Матерей благодаря, пехота
Виновато отводила взор.
А они ей долго вслед глядели,
По-крестьянски набожно крестясь,
И седины ранние белели,
И слеза горячая лилась.

Ещё один мотив поэзии Горчакова – мотив памяти:

И память сердца непокорна,
Ей никогда не замолчать,
Покуда солнце светит людям,
У всех живых она кричать,
Будить воспоминанья будет
О тех затмивших солнце днях,
Омытых кровью и слезами,
О павших в праведных боях,
Письма не дописавших маме.

(«Боль памяти»)

Лучшие стихи Якова Горчакова – о войне. И хотя некоторые из них излишне пафосны, идеологичны, в них – вся боль фронтового поколения. Поэтому им веришь, на них откликаешься.

Но всё же Якова Горчакова можно назвать «поэтом одного стихотворения», как, например, Алексея Кочеткова, которого знают только по «Балладе о прокуренном вагоне». У Горчакова одно стихотворение, на наш взгляд, заслуживает места в антологии русской поэзии «Строфы века», в которой Евгений Евтушенко собрал лучшие поэтические тексты прошлого века. Это стихотворение непременно вспоминают, когда речь заходит о поэте Якове Горчакове.

Шла папироска по окопу

Шла папироска по окопу
От губ до губ,
От рук до рук.
И пуль трассирующих тропы
Чертили смерти полукруг.
Дырявя бруствера откосы,
Свистел металл над головой.
Не докуривши папиросы,
Мы снова принимали бой.
И раскалялись автоматы
До первого броска гранаты…
Потом сходились на штыки,
И смерть брала нас за грудки.
И так, в который раз за сутки,
Металл хлестал, косил и жёг.
И становилось смерти жутко,

Костлявая валилась с ног.
А мы назло ей выживали,
Чтоб в рукопашной вновь сойтись…
Так мы, бессмертные, стояли
В смертельной схватке с ней – за жизнь.

В первых строчках стихотворения создаётся образ боевого братства, выкуренная одна на всех папироска становится символом такого единения и сплочённости, при котором смерть бессильна и отступает.

В стихотворении легко угадываются интонации «Полтавы» Пушкина и «Бородино» Лермонтова. Сознательно ли Горчаков включил своё произведение в поэтический контекст или записал его «под божественную диктовку», но стихотворение как по форме, так и по содержанию безупречно и для взыскательного филолога, и для читателя с хорошим литературным вкусом.

В жизни Якова Горчакова была и другая «война». Вернувшись с фронта, он поступил на работу в тарскую районную газету «Ленинский путь», с тех пор его судьба в основном была связана с журналистикой и поэзией.

Коллеги по перу называли Якова Горчакова «датским» поэтом, то есть поэтом, пишущим к знаменательным и памятным датам. В советскую эпоху поэты вынуждены были выполнять требования социального заказа, поэтому в творчестве Горчакова есть «заказные» стихи, например, «Красная суббота», посвящённая ленинскому субботнику, или «Золотое право», приуроченное ко Дню Конституции. Встречаются и стихотворения, прославляющие партию, изобилующие штампами. Что ж, перефразируем А. С. Пушкина: судить поэта нужно по его собственным законам и по законам его времени.

Наверное, так устроено было фронтовое поколение, что и в мирной жизни продолжало воевать, но теперь уже не с внешним врагом, а с внутренним – с «ржавчиной», которая разъедает людей.

И ранит душу
Сводка роковая,
Как вести в дни войны
С передовой.

Поэтому в творчестве Якова Горчакова много стихов, в которых он линчует «губительную ржу» – пороки, разъедающие общество. Часто его стихам присущ публицистический пафос, оттого что темы злободневны и задевают бывшего фронтовика за живое:

Застой искореняем,
Волокиту,
Комчванство,
подхалимство,
Лесть чинуш,
Приспособленцев,
Мнимо деловитых,
И мимикрию,
раболепство душ…
(«Начни с себя»)

«За перестройку, как на поле боя, воюй, и начинай её с себя», – призывает поэт. «Ржавчине» он противопоставляет доброту, человечность, о них пишет свои стихи, вынося эти нравственные понятия в названия своих произведений.

И в журналистской деятельности Яков Горчаков ведёт бой с негативными явлениями окружающей его действительности. Он оставил нам в наследство блестящие фельетоны, в которых его острое перо безжалостно подвергает сатирическому осмеянию пороки общества. В этом жанре он настоящий мастер, использующий самые разнообразные литературные приёмы для того, чтобы ярче высветить то или иное зло. Так, Горчаков «Трактатом о хлебной начинке» отреагировал на жалобы тарчан о том, что в продукции Тарского хлебозавода находятся посторонние предметы. Трактат написан якобы от имени директора хлебозавода, инженера и технолога.

Автор использует жанровую форму трактата, в котором последовательно, ссылаясь на авторитетные источники, в научном стиле излагает представление о начинке и даёт описание начинки по-тарски: «Начинка по-тарски. Находка (новинка) Тарского хлебозавода. Как показали наши эксперименты (опыты), она может быть твёрдой, полутвёрдой, мягкой, полумягкой, с запахом и без оного и других качеств и свойств. К категории первых двух видов относятся: гайки, болты, галька речная (обыкновенная), женские приколки (набор в комплекте). (Стоимость последних в магазине "Космос", промтоварных ларьках и киосках не препятствует). В качестве двух вторых видов применительны: вата, верёвка, пакля, бумага (всякая), дрожжи (протухшие), воробьи (птенцы уже оперившиеся)» (газета «Ленинский путь», 8 октября 1970 г.).

Часто в своих фельетонах Яков Горчаков прибегает к литературным аналогиям, таким образом проблема вырастает из масштабов местечковой, выходит за пределы определённого места и времени, а значит, является актуальной для любого поколения читателей. «Женитьба – шаг серьёзный. Как бы чего не вышло». Гм… Кто это сказал? Кажется, какой-то Беликов. Ну да, так и есть. Ещё со школьной скамьи помню. Это герой литературного произведения какого-то давнишнего писателя… Теперь таких людей нет, значит, и мораль эта старая. Подумаешь, важность какая. Пришло время – и женись, а там видно будет», – так размышлениями «преуспевающего в амурных делах» комсомольца Шабалина начинает автор свой фельетон «Алексей Петрович женился» (газета «Ленинский путь», 10 декабря 1954 г.). А в фельетоне «Как поссорились кумовья» он прямо проводит литературные параллели: «Подобно героям из известного произведения Н.В. Гоголя Ивану Ивановичу и Ивану Никифоровичу, они ходили друг к другу пить чай, любили поспорить об охоте и рыбной ловле и нередко за общим столом распивали не одну бутылку за обоюдное здоровье, за здоровье своих чад и домочадцев» (газета «Ленинский путь», 18 мая 1958 г.).

В фельетоне «Холодный дом» книги становятся героями произведения: «Алло! Это Тарская районная библиотека? Говорит "Евгений Онегин". Да, да, родился на брегах Невы. Нет, не письмо Татьяне передать. Я из Ложниковской сельской библиотеки. До нас дошёл слух, что вы собираетесь писать жалобу. У нас тут тоже в библиотеке зима, но мы не торжествуем, как тот крестьянин, который "на дровнях обновляет путь"…» (газета «Ленинский путь», 1 января 1967 г.). Фантастический сюжет – книги собираются писать жалобу на председателя сельсовета, о том, что много зим мёрзнут и валяются на полу, так как нет стеллажей – понадобился автору, для того чтобы острее показать возникшее противоречие между духовным и материальным, возвышенным и низменным.

Сатирический дар Якова Горчакова – его оружие в беспощадной войне со злом, мешающим строить то прекрасное будущее, о котором мечтали в окопах фронтовики, за которое отдавали свои жизни. В газете «Ленинский путь» он ведёт рубрику Н.К.Н.Э. (Наша Краткая Новогодняя Энциклопедия). Вот несколько определений из этой энциклопедии: «Водопровод. – Самое больное место в работе Тарского комбината коммунальных предприятий»; «Дом культуры. – В г. Таре – помещение для скуки за плату»; «Сад. – В г. Таре – беспризорное место» (газета «Ленинский путь», 1 января 1967 г.).

В «Колючих строчках» Горчаков в стихотворной форме высмеивает и горе-руководителей тарских предприятий, и нерадивых работников, наносящих своей деятельностью ущерб городу. В некоторых из них современный читатель увидит знакомую картину:

Благодарность… от коров

В сквере на площади Карла Маркса поломана загородка и пасутся коровы.

В благоустройстве это не пример.

Подобный факт для города не новый.

За то, что сдан под выпас этот сквер,

Наш горкомхоз благодарят… коровы

(газета «Ленинский путь», 29 мая 1957 г.).

Сатирическое наследие Якова Горчакова ещё найдёт своего читателя и исследователя. А в этом номере мы предлагаем вниманию читателей один из лучших его фельетонов «Амурчики» («Из дневника Клавдии Копейкиной»). Фельетон был напечатан в газете «Ленинский путь» 3 августа 1958 года.

Амурчики

(Из дневника Клавдии Копейкиной)

Я женщина увлекающаяся, особенно мужчинами, и этот дневник пишу ради интереса.

Май, 1957 год. На дворе весна. Ласково улыбается солнце, весело поют птички, ярко цветут и так хорошо пахнут цветочки! Кругом так радостно! И мне тоже. Сердце, как сдобный пряник в сладком чаю, тает. Отчего бы это? Уж не оттого ли, что я увидела его? Симпатичный такой стрекозёлчик, чернявенький. Ничего, что женат и дети есть. Я тоже любить хочу. Придёт он сегодня или не придёт? Придёт обязательно! Видать по всему, что я его обворожила.

11 мая. Приходил стрекозёл. Славный. Но Петя был лучше. Этот плохо целуется. Клялся в любви до гроба. Говорит, что пойдёт со мной хоть на край света, а если надо, то и дальше. Вечер затянулся до третьих петухов. Магазин не открывала. Приболела голова.

25 мая. Жена у моего милого стрекозёлчика поднимает шум. Говорит, что я будто бы разбиваю семью. Так и люди говорят. Ну и пусть говорят. Я не боюсь. Моё сердце жаждет любви, любви, любви!

Май, 1958 год. Ох, эти злые языки! Из-за них пришлось переменить место жительства – из д. Секменево переехала в д. Самсоново. Приписывают мне бытовое разложение. А какое тут разложение. У меня так, одни амурчики. А тут мне ещё вольготнее. Ведь милый мой стрекозёлчик оказался верен своему слову – жену и детей бросил и прилетел ко мне. Мы с ним теперь почти как муж и жена.

10 мая. Волнуется и бьётся, как птица в клетке, моё любвеобильное сердце при виде мужчины. Тому, кто приглянется, сделаю глазки, и он у меня в сетях. Конечно, приходится нести и кое-какие мелкие расходы. А приманка у меня хорошая – бутылочка особой всегда найдётся. Уж не без этого.

Стрекозёл надоел. В Самсоново приехал на побывку молодой лейтенантик. Милый такой, ну прям настоящий амурчик. Я ему улыбнулась и подарила ласковый взгляд. Не устоял. А стрекозёл коготки начинает показывать – ревнует. Чудак! Вчера выпили крепко в компании, а он взял да себя бритвой порезал. Это я от сильной любви к тебе, говорит. Ну и дурачки же эти мужчины.

25 мая. Схожу с ума по лейтенантику. Ах, какой чудный амурчик! Со стрекозлом всё покончено. Улетел к своей жене и деткам. Бог с ним. Я влюблена в другого. Сегодня магазин закрыла пораньше. Торопилась на свидание с амурчиком. Он окончательно меня пленил. Колхозные девушки срамят меня. А мне хоть бы что.

8 июня. Вчера не торговала – провожала своего дорогого амурчика. Немножечко было жалко. Хотела поплакать, но слёзы не шли.

15 июня. Со мной заводит амуры младший брат лейтенанта. Этот – совсем ещё дитя. Ему 18 лет, а мне за 30. Зато сердце у меня молодое. А красивый такой, словом, второй амурчик. Первого я уже забыла. Влюблю в себя и этого.

30 июня. Магазин не открывала два дня. Болит голова. Вчера было воскресенье.

Прогуляла со вторым амурчиком до утра. Сегодня тоже его не отпустила. В деревне нас потеряли. Что было, что было! Кто-то выставил у меня окно. Бедному амурчику пришлось вылетать прямо через него. Собрался народ. Мне было немножечко стыдно, а потом всё прошло.

20 июля. Продолжаю заводить новые амурчики…

На этом записи продавца Самсоновского магазина Клавдии Петровны Копейкиной обрываются. Но мы думаем, что их продолжает сельская общественность, а также правление райпотребсоюза.

Отрывки из дневника к опубликованию подготовил Я. Горчаков.